

Князев Сергей Владимирович

**ФОНЕМНЫЙ СТАТУС МЯГКИХ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СИНТАГМАТИКА И СТРУКТУРА СЛОВАРЯ**

В статье рассматриваются факторы, способствующие реализации прагматического значения аффиксальных производных слов. С этой целью анализируются словообразовательные модели, которые характеризуются нерегулярным характером актуализации прагматического значения. Автор приходит к выводу, что главным источником разнообразных смыслов и прагматических оттенков значений производных являются полисемия мотивирующих основ и различия в интерпретации фрагментов картины мира участниками коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 91-97. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Пожалуй, единственное обращение к образу животного, которое не пострадало, а даже наоборот смогло проявить свою индивидуальность, – маленький зелёный поросёнок из пьесы «Человек-подушка» (The Pillowman, 2003). МакДонах предлагает свою историю о том, каково это быть непохожим на других и как важно не утратить свою индивидуальность. Именно этот рассказ – единственный добрый рассказ главного героя, писателя Катурияна, который показывает, что искусство и творчество несут не только зло.

Действия, разворачивающиеся вокруг животного, типичны не только для пьес, но и для киноработ М. МакДонаха. В его первом короткометражном фильме «Шестизарядник» главный герой мистер Доннели не расставался с кроликом на протяжении всей ленты. А его последний фильм «Семь психопатов» – чёрная комедия, в которой история начинается с того, что у главного психопата, гангстера Чарли Костелло украли пёсика породы ши-цу.

Таким образом, мы видим, что животные в произведениях Мартина МакДонаха несут определённо значимую символику. Кроме того, на проблемы животных экстраполируются проблемы людей. Стоит отметить, что данная особенность относится не конкретно к какой-то пьесе автора, а является типичной для его драматургии в целом. При этом все проанализированные тексты являются произведениями о людях, а не о животных.

Список литературы

1. **Lonergan P.** Too Dangerous to Be Done? Martin McDonagh's Lieutenant of Inishmore // Patrick Lonergan. Irish Studies Review. 2005. Vol. 13. № 1. P. 65-78.
2. **McDonagh M.** Plays: 1. The Leenane Trilogy. London, 1998. 196 p.
3. **McDonagh M.** The Cripple of Inishmann. London: Vintage International, 1998. 113 p.
4. **McDonagh M.** The Lieutenant of Inishmore. London: Methuen Drama, 2001. 54 p.

ANIMALS AS OBJECT OF VIOLENCE IN THE WORKS BY MARTIN MCDONAGH

Kirichenko Dmitrii Arturovich

*Taurida National V. I. Vernadsky University
dima-teatr@mail.ru*

The article presents a detailed analysis of animal images in the texts by Martin McDonagh. Importance of these personages in the writer's works is typical not for a certain text but it manifests itself as one of the artistic peculiarities of his dramaturgy. On the basis of the events associated with animals the writer thinks over the topical problem of our time: why, having deep and sincere affection towards animals, a human being brutally kills his own kind.

Key words and phrases: new drama; zoolatry; violence; animals; Martin McDonagh.

УДК 8; 811.161.1

Филологические науки

Статья посвящена анализу фонологического статуса мягких заднеязычных согласных в современном русском литературном языке. В ней рассматриваются синтагматические аргументы в пользу признания этих согласных самостоятельными фонемами, делается вывод о том, что решение о фонологической интерпретации мягких заднеязычных, по крайней мере, в терминах Московской фонологической школы, может быть принято только на основании фонемного состава словаря знаков.

Ключевые слова и фразы: русский язык; фонетика; фонология; синтагматика; мягкие заднеязычные согласные.

Князев Сергей Владимирович, д. филол. н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
skv11@yandex.ru*

ФОНЕМНЫЙ СТАТУС МЯГКИХ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАГМАТИКА И СТРУКТУРА СЛОВАРЯ©

Фонологический статус мягких заднеязычных согласных уже долгое время является одной из наиболее активно обсуждаемых проблем описания фонетической системы современного русского литературного языка (далее – СРЛЯ). Обычно приводятся следующие аргументы против признания их самостоятельными фонемами:

– мягкие заднеязычные не противопоставлены соответствующим твердым в наименее обусловленной позиции – позиции конца слова: «В решающем положении для различения твердых-мягких согласных – на конце слова – заднеязычные бывают только твердыми» [1, с. 170];

– твердые велярные согласные, в отличие от других согласных, на стыках морфем внутри фонетического слова смягчаются перед <и>: [наг-á / наг'-í] при [трав-á / трав-ы] [5, с. 143-144];

– в СРЛЯ мало случаев противопоставления твердых и мягких заднеязычных перед гласными, в исконно русской лексике – это только [кóт] / [тк'óт] (*кот / ткёт*), другие примеры встречаются лишь в заимствованных словах: [укóр] / [л'ик'óр] (*укор / ликёр*), [кúр] / [мьн'ик'úр] (*кур / маникюр*), [гус'э] / [г'уйс] (*гусь / гуйс*), [гул'áл] / [г'урзá] (*гулял / гурза*) [1, с. 170].

В качестве одного из аргументов в пользу признания фонемного статуса мягких заднеязычных приводятся иногда факты синтагматического поведения этих согласных – так, внутри фонетического слова после предлога *к* и на стыках фонетических слов в слове, начинающемся фонемой <и>, произносится после заднеязычного согласного звук [ы]: *к Ире, друг Иры*. Данное наблюдение вряд ли можно признать доказательством в пользу того или иного решения (например, [ы] в начале слова произносится и после фонологически непарного по твердости / мягкости согласного <ц>: *конец игры* и т.п.). С другой стороны, целый ряд фактов синтагматики заднеязычных в СРЛЯ свидетельствует об обратном [4].

1. Перед словами, начинающимися с гласного переднего ряда, согласный [к] предлога или предшествующего слова, как и остальные твердые согласные в современном русском литературном языке, не смягчается. Однако перед передним гласным после утратившегося <ј> в начале слова наблюдается иная картина – если после предлогов, заканчивающихся на фонологически парный твердый согласный возможно только произношение [ы] ([ъ]), а сами эти согласные могут быть только твердые: *бе[з ы]гуара, о[т ы]вропейского*, то в случае с *к* более частотное другое произношение: [к' и]гуару, [к' и]вропейским (см. Рис. 1, на котором приведены слова *ягуара* и *к ягуару*: в первом случае вторая форманта начального гласного слова *ягуар* начинается в области 1500 Гц, во втором – в области 2100 Гц). Маловероятно, что этот факт объясняется тем, что заднеязычные в большей степени склонны смягчаться перед [ј]: в словах типа *кьянти, Кьево* это смягчение не более вероятно, чем в случаях типа *дьяк, разъезд* и т.п.

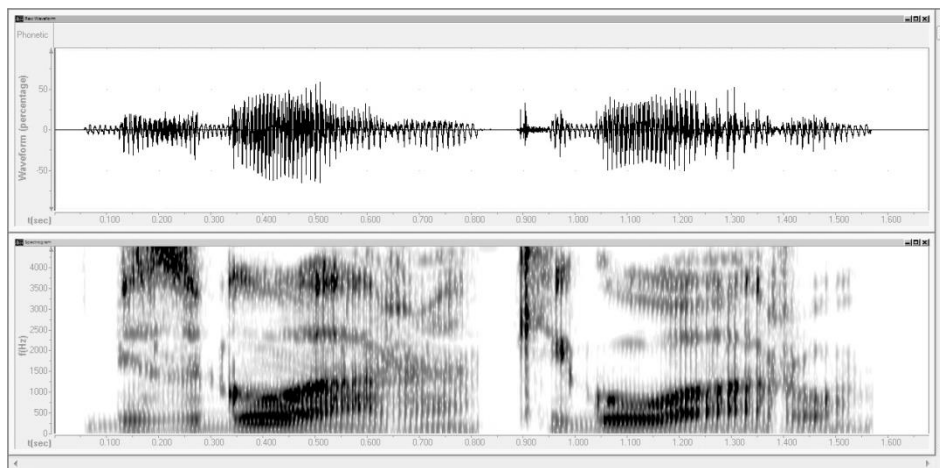

Рис. 1. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов *без ягуара* и *к ягуару*

2. Е. А. Брызгунова отметила возможность произношения в современном русском литературном языке мягкого заднеязычного согласного перед гласным, представляющим фонему непереднего ряда, например, в слове *сотрудни[к']ами* [2]. Е. А. Брызгунова видит причину этого явления в «непрямом диалектном влиянии», связывая данное произношение с наличием диалектных форм творительного падежа множественного числа существительных с окончаниями <-има> (в севернорусских архангельских говорах) и <-им'и> (в южных) [7, с. 121]. Однако более подробный анализ такого произношения заднеязычных не позволяет принять подобного объяснения причин его возникновения. Дело в том, что, во-первых, произношение мягкого заднеязычного согласного перед гласным, представляющим фонему непереднего ряда, встречается не только на стыке основы и окончания – оно столь же широко распространено и внутри основы (корня) и даже на стыке предлога и следующего слова. Например, сплошной аудитивный анализ аудиозаписей современного литературного произношения показывает, что подобное произношение встречается в словах:

[к']олесница, [к']апиталист, [к']омбинатор, [к']онференция, [к']омпляция, [к']апитан, [к'] оператору, [к']омпенсация, [г']андикап, [к']ондиционер, с[к']андинавские, [к']омментатор, [к']остяной, [х']оккеист, [г']орячо, за[к']олебать, [к']омендатура, [к']очаны, [х']ореограф, [к']онтингент, [к']осячок, [г']оспитализация, ор[г']анизация, в ор[г']анизационном плане, члены [к']онституционного суда, сложные [х']ореографические номера, наши [х']оккеисты, Андрей [к']ончаловский, с разных [к']онтинентов, нобелевский [к']омитет, страсти на[к']алены до предела, выступают в поддержку своему [к']андидату («Сегодня»); стоматолог поре[к']омендовал мне Колгейт (Ек. Стриженова, реклама), врачи ре[к']омендуют лакалют (реклама), человек, три года руководивший правительством, в ре[к']омендациях не нуждается, три [г']олевые передачи (хоккейный телерепортаж), а следователь в [к']абинете сидит, преступников допрашивает (В. Высоцкий, «Хозяин тайги»)¹.

¹ Еще одним доказательством не только возможности, но и очень широкого распространения подобного произношения являются колебания в написании названия *Калиманджаро / Калиманджаро*.

Во всех этих случаях мягкое произношение [к'], [г'] и [х'] перед гласным, представляющим фонему непереднего ряда, как и в словах *соратниками, сотрудниками, ноликами, айсбергами* и т.п., отмечается перед следующим мягким согласным, так что можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с дистантной регрессивной ассимиляцией согласных по мягкости. Этому, однако, противоречит тот факт, что мягкого произношения заднеязычных не наблюдается в случаях типа *колёса, кульминация, камень, голяк, кулебяка, какуминальный, канюки, Кочубей*.

Очевидно, что необходимыми условиями этого смягчения являются следующие факторы:

- наличие заднеязычного согласного перед гласным, представляющим фонему непереднего ряда, в слове, который не является ударным или первым предударным;
- наличие после этого согласного нелабиализованного гласного (не [у]);
- наличие в следующем слове гласного переднего ряда [и], а не лабиализованного гласного заднего ряда [у].

Примечательно при этом, что в слове *капюшон* [к'] произносится только при делябиализации предударного [у], то есть, возможно, как [к'ьп'ишóн], так и [кьп'ишóн], но только [кьп'ушóн] ([кь°п'ушóн]).

Таким образом, фонетический механизм данного явления заключается в том, что в позиции после твердого заднеязычного редуцированный гласный (то есть, любой нелабиализованный гласный в безударном слове, кроме первого предударного) в положении перед следующим гласным переднего ряда (чаще перед [и] первого предударного или конечного открытого слога, но иногда и перед [ь] второго предударного) подвергается межслоговой ассимиляции по ряду¹ – отсутствие веляризации (или фонологической противопоставленности по твердости / мягкости) у твердых заднеязычных вызывает возможность их коартикуляционного смягчения перед гласным переднего ряда. После веляризованных согласных в этом случае произносится [ы]-образный гласный: *п[ь^м]ливать, п[ь^м]дберёзовик*.

Отметим в заключение, что смягчение заднеязычных в формах творительного падежа множественного числа существительных наблюдается только или почти только в том случае, если этому заднеязычному ещё и предшествует безударный гласный переднего ряда: *соратни[к']ами, сотрудни[к']ами, ноли[к']ами*, но не *кош[к']ами, дыр[к']ами, пи[к']ами*.

3. В современном русском литературном языке контекстные изменения по твердости / мягкости, имеющие статус фонетических законов внутри слов, не действуют на границах фонетических слов: «...Сказано: перед мягким зубным должен быть непременно мягким (*мостик, о музыканте, вензель, здесь...*). Но закон не действует в таких случаях: *я прине[с т']ебе, кра[н т']ечет; на[з д']есять...* И так, вполне возможны сочетания [ст'], [нт'], [зд'], запрещенные законом о зубных перед зубными» [5, с. 168]; «...Есть очень сильный закон: не могут стоять рядом два согласных, если у них только одно различие: по твердости – мягкости. Сочетания [с + с'], [н + н'] в русском языке невозможны. Невозможны? Но они есть: *нос синий = [с + с']; он не пришел = [н + н']; здоров Филя, а не умен...* = [ф + ф']... Значит, такие случаи встречаются – на стыках слов. Закон: перед мягким зубным – только мягкий зубной – верен, надо только добавить: *внутри слов. Все фонетические законы*, которые мы изучали, говорят о том, что происходит **внутри** слова (точнее: внутри значимой единицы)» [Там же].

Приведенные М. В. Пановым факты, несомненно, верны для согласных, противопоставленных по ДП твердость / мягкость. Однако является ли столь же однозначной в этом аспекте ситуация с заднеязычными согласными? Аудитивный анализ показывает, что в сочетаниях типа *маленьких хищников, миг гибели, крик кита* и т.п. возможно и произношение мягкого заднеязычного в позиции конца первого фонетического слова перед гоморганным мягким в начале следующего слова.

Таблица 1.

Произношение [x]/[x'] в позиции конца фонетического слова перед [x'] в начале следующего слова внутри синтагмы

	[xx']	[x']	[x'x']	[?]	% [x']
<i>Маленьких хищни</i>	6	4	11	–	71%
<i>На днях хищение²</i>	3	10	8	–	86%
<i>Крупных хищников</i>	13	6	2	–	38%
<i>Прославленных хирургов</i>	8	7	4	2	58%
<i>Городских химчисток</i>	4	7	10	–	81%
<i>Своих хитроумных</i>	3	11	7	–	86%
<i>Едких химикатов</i>	4	3	14	–	81%
После гласного переднего ряда	17	35	40	–	82%
После гласного непереднего ряда	24	23	14	2	53%
Всего	41	58	54	2	73%

Данные экспериментально-фонетического исследования, проведенного в рамках курсовой работы студенткой II курса филологического факультета МГУ М. Беговатовой, позволяют утверждать, что такое произношение

¹ См. о такой возможности [6].

² Значительное число смягчения [x] в этом сочетании, возможно, объясняется действием еще одного фактора – мягкости согласного предшествующего и последующего слогов.

среди носителей СРЛЯ является преобладающим. В Таблице 1 приведены сведения о произношении [x] или [xʲ] в позиции конца фонетического слова перед [xʲ] в начале следующего слова внутри синтагмы, основанные на данных экспериментально-фонетического исследования произношения 21 носителя СРЛЯ. Эти данные свидетельствуют о том, что в указанной позиции смягчение заднеязычного согласного происходит более чем в половине всех случаев после гласного непереднего ряда и более, чем в 80% всех случаев после гласного переднего ряда (всего, без учета качества предшествующего гласного, – в 73% всех случаев).

Какие артикуляционные или перцептивные механизмы могут лежать в основе этого явления? Рассмотрим механизм «смягчения» заднеязычного согласного в позиции конца фонетического слова после гласного переднего ряда перед гоморганным мягким в начале следующего слова внутри синтагмы.

Решение о твердости или мягкости согласного в современном русском литературном языке принимается слушающим не только и, часто даже, не столько по собственным акустическим характеристикам согласного, сколько по формантным переходам соседнего гласного (движение F_2 направлено в область 2200–2500 Гц в соседстве с мягким согласным, в область около 500 Гц в соседстве с твердым губным и в область около 1500 Гц в соседстве с твердым переднеязычным). В отдельных случаях эти переходные участки гласных являются единственным перцептивным ключом к восприятию твердости / мягкости согласного. Так, на Рис. 2 приведена динамическая спектрограмма слов *российский* и *расистский*, а на Рис. 3 и Рис. 4 динамические спектрограммы сочетаний *вид тёти* и *ведь тёти* соответственно. В обоих случаях различие заключается лишь в довольно незначительном коартикуляционном изменении (понижении) F_2 гласного [и] ([ь]) в соседстве с твердым зубным. Однако в проанализированных нами примерах типа *миг гибели* (см. соответствующие осциллограмму и динамическую спектрограмму на Рис. 5) и *моих хитростей* (см. соответствующие осциллограмму и динамическую спектрограмму на Рис. 6) коартикуляции [и] соседнему согласному нет и быть не может (заднеязычные сами аккомодируют соседнему гласному), поэтому перцептивное различие твердого и мягкого заднеязычного в этом положении невозможно, и согласный воспринимается, а в дальнейшем уже, вероятно, и воспроизводится как мягкий.

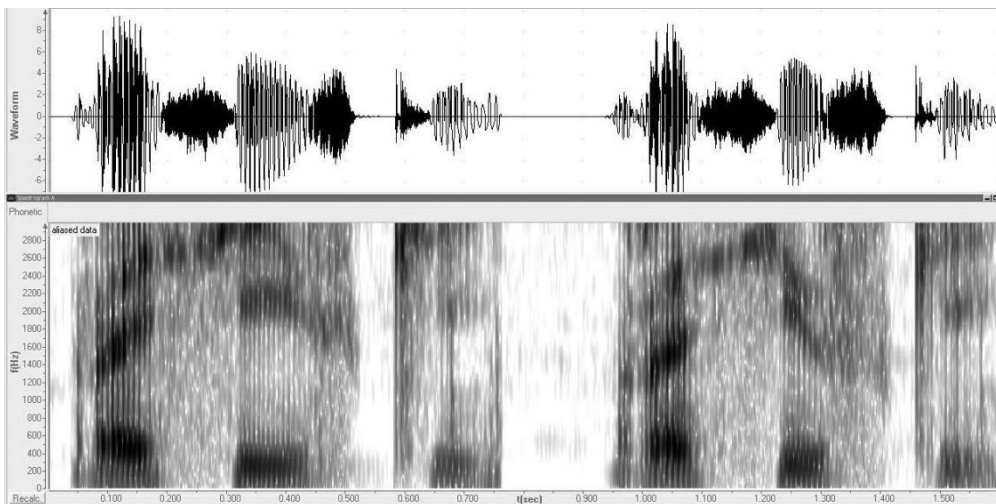

Рис. 2. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) слов *российский* и *расистский*

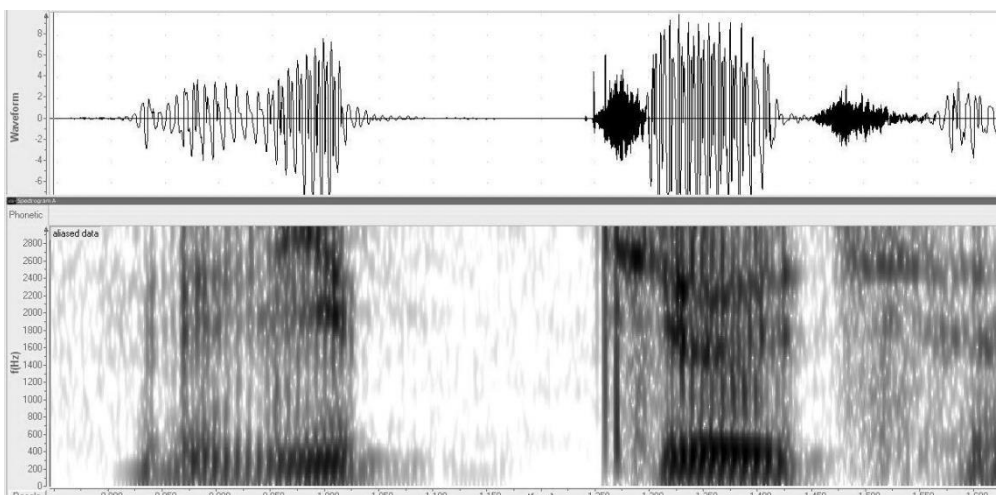
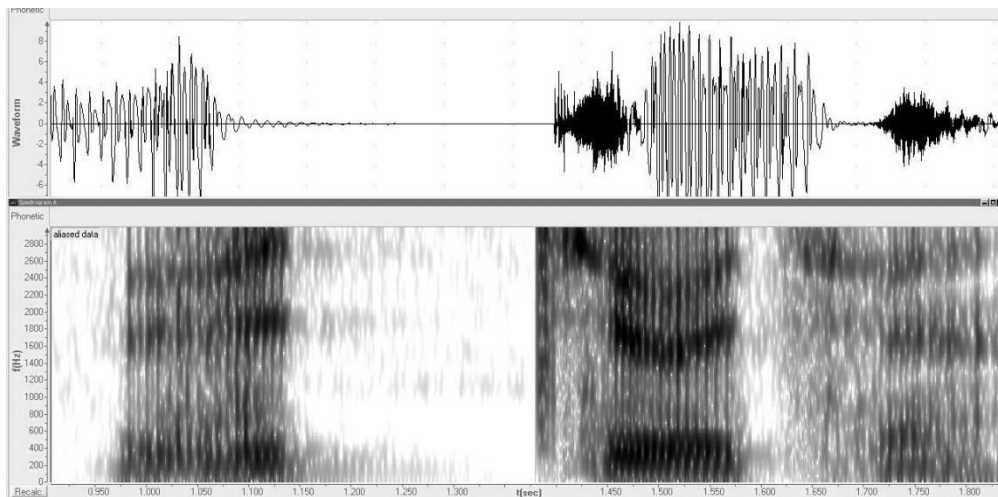
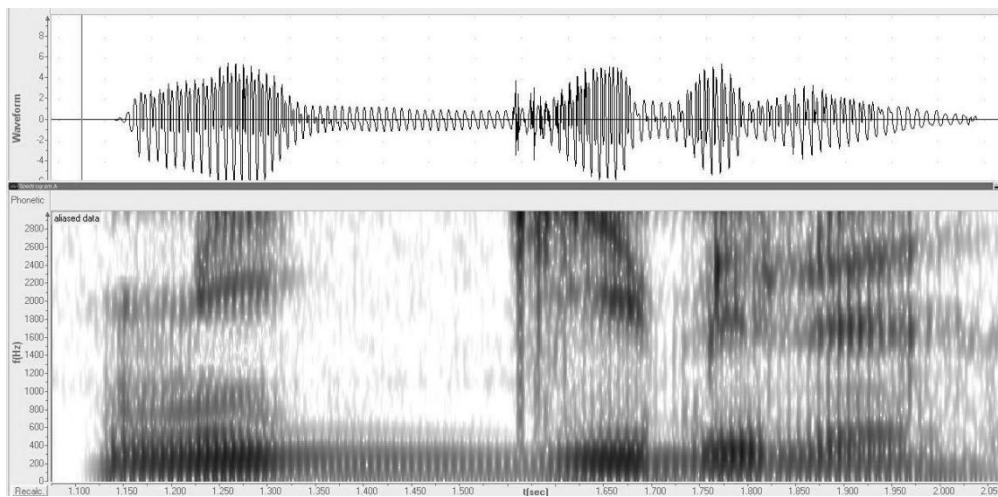

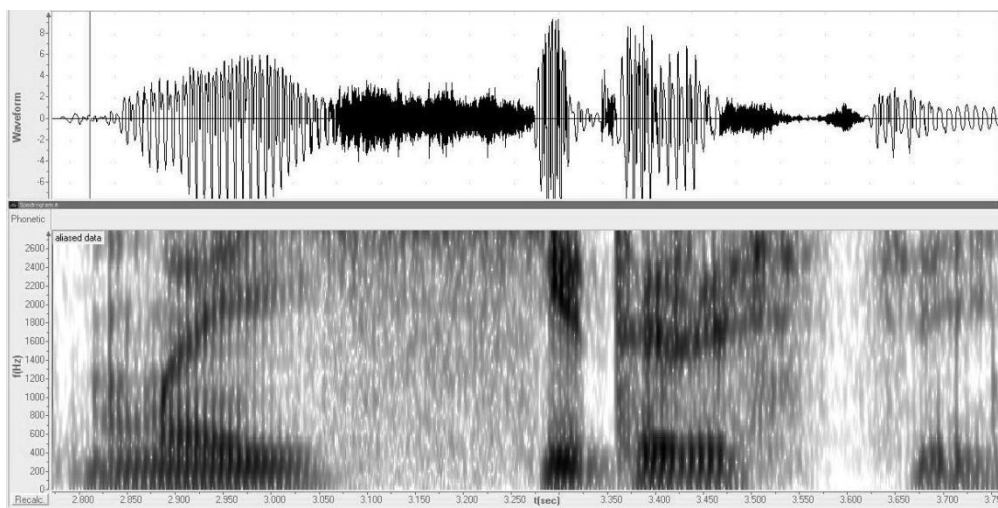
Рис. 3. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *вид тёти*

Рис. 4. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *ведь тётти*

Рис. 5. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *миг гибели*

Рис. 6. Осциллограмма (вверху) и динамическая спектрограмма (внизу) сочетания *моих хитростей*

Таким образом, приведенные выше факты, описывающие синтагматические свойства русских заднеязычных согласных в связи с фонологическим противопоставлением по твердости / мягкости, свидетельствуют о том, что поведение этих согласных явным образом отличается от функционирования других согласных, противопоставленных по ДП твердость / мягкость. Тем не менее, эти факты не обязательно являются доказательством непарности заднеязычных по ДП твердость / мягкость, но лишь демонстрируют,

что данные синтагматики не всегда являются однозначным убедительным свидетельством в пользу того или иного фонологического решения. Можно с уверенностью утверждать, что в рамках теории Московской фонологической школы решение это как раз противоречит всем приведенным фактам синтагматики, и мягкие заднеязычные согласные должны быть включены в инвентарь фонем СРЛЯ.

Как уже отмечалось выше, в современной русистике принято считать, что перед гласным непереднего ряда мягкий заднеязычный согласный встречается только в одном исконно русском слове – словоформах глагола *ткать* (*ткѣшь, ткѣте, ткѣм, ткѣт*), причем в словах *кот* и *ткѣт* твердый и мягкий заднеязычный находятся в разных позициях (первый внутри морфемы, второй – на стыке) и «поскольку твердые и мягкие заднеязычные не встречаются в одной позиции, они не представляют разных фонем» [Там же, с. 170-171] (заимствованные слова при этом выделяются М. В. Пановым в особую подсистему). Однако при такой интерпретации материала не принимается во внимание весьма существенный для фонологического анализа вопрос о том, чем обуславливаются контекстные (линейные) позиции фонем – соседними фонемами или их конкретными звуковыми реализациями [3, с. 101]. Обычно (хотя и всегда имплицитно) принимается вторая возможность (См.: [5, с. 97, 124, 128]), даже, несмотря на то, что такое понимание термина не позволяет адекватно описать целый ряд явлений фонетики, в том числе русской (Подробнее об этом см.: [3, с. 102-104]). Если же учитывать тот факт, что сегментные позиции фонем определяются их положением относительно других фонем, а также принять во внимание, что состав фонем любого языка должен обеспечивать различие фонемной записи единиц, различающихся звуковым составом (при идентичности позиций), то вопрос о фонологическом статусе мягких заднеязычных согласных может иметь только одно – положительное – решение. Дело в том, что в терминах Московской фонологической школы (МФШ) на фонологическом уровне в современном русском литературном языке существует несколько десятков пар словоформ, различающихся только твердостью / мягкостью заднеязычных согласных, причем в одной и той же позиции – на стыке основы и окончания. Эти пары – формы прилагательных: 1) именительного падежа мужского рода (*дикий, строгий, тихий* и т.п.) и 2) косвенных падежей женского рода (*дикой, строгой, тихой* и т.п.), окончания которых в рамках теории МФШ имеют идентичный фонемный состав – <oj>. Тем самым, словоформы, *дикий* [д'ик'ьй] и *дикой* [д'ик'ьй], *тихий* [т'их'ьй] и *тихой* [т'их'ьй], *строгий* [стр'ог'ьй] и *строгой* [стр'ог'ьй] (и подобные им), различающиеся звуковым составом, не могут быть интерпретированы иначе, нежели как отличающиеся друг от друга фонемным составом, а именно – твердостью / мягкостью заднеязычных согласных фонем в конце основы. Таким образом, в теории МФШ нет способа адекватно описать фонемный состав словаря знаков СРЛЯ без признания фонологическим статусом мягких заднеязычных согласных.

Список литературы

1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 240 с.
2. Брызгунова Е. А. Аспекты восприятия звучащей речи // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование: тезисы IV междунар. науч. конф. (Звенигород, 11-13 апреля 2003 г.). М., 2003. С. 22-23.
3. Князев С. В. Еще раз к вопросу о соотношении фонетики и фонологии // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 101-112.
4. Князев С. В. О мягкости необычайной (заметки и загадки о русской фонетике) // Вопросы русского языкознания. М., 2010. Вып. XIII. Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее. С. 71-92.
5. Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979. 256 с.
6. Пауфощима Р. Ф. Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные изменения безударных гласных) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. Т. 39. № 1. С. 61-68.
7. Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М., 2005. 256 с.

PHONEMIC STATUS OF SOFT POSTDORSAL CONSONANTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: SYNTAGMATICS AND STRUCTURE OF DICTIONARY

Knyazev Sergei Vladimirovich, Doctor in Philology
Lomonosov Moscow State University
skv11@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the phonological status of soft postdorsal consonants in the modern Russian literary language. The author considers the syntagmatic arguments in favor of recognizing these consonants as independent phonemes, and comes to the conclusion that the decision about the phonological interpretation of soft postdorsals, at least in terms of the Moscow phonological school, can only be made on the basis of the phonemic structure of the dictionary of signs.

Key words and phrases: the Russian language; phonetics; phonology; syntagmatics; soft postdorsal consonants.

УДК 821.112.2

Филологические науки

*В статье рассматривается история создания поэтической антологии, составленной В. Арентом и оказавшей значительное влияние на становление в литературе Германии натурализма как направления, и первой антологии экспрессионистской поэзии, составленной К. Гиллером. Раскрываются схожие черты в данных антологиях, характерные для эпохи *fin de siècle* и позволяющие судить о преемственности в литературном процессе, а также в дискуссиях, развернувшихся в обществе после их выхода в свет.*

Ключевые слова и фразы: fin de siècle; натурализм; экспрессионизм; антология; манифест.

Крашенинников Андрей Евгеньевич, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет
kroschke@yandex.ru

СХОЖИЕ ЧЕРТЫ ПОЭТИЧЕСКИХ АНТОЛОГИЙ В. АРЕНТА И К. ГИЛЛЕРА©

На стыке XIX-XX веков, который часто называют эпохой *fin de siècle* (конец века), с разницей в четверть века в Германии вышли в свет антологии лирической поэзии. Они примечательны тем, что, в отличие от многих антологий, собрание поэтических текстов предваряют манифесты, да и сами последующие стихотворения можно считать продолжением этих манифестов, так как они, в большей своей части, раскрывают заявленные в манифестах идеи.

В 1885 году в Германии вышла в свет антология немецкой поэзии «Moderne Dichter-Charaktere» [12], которая не прошла незамеченной в литературных кругах. Сразу заметим, что в отечественном литературоведении используются два перевода названия антологии: «Современные облики поэтов» [1, с. 270] и «Облики современных поэтов» [2, с. 293].

В июне 1885 года в студенческой газете «Kuffhaeuser» Пауль Фриче (1863-1888) посвятил этой антологии восторженный очерк с говорящим заголовком «Moderner Sturm und Drang» (Современные «Буря и натиск») [11, S. 294]. Эта статья была расширена и в скором времени издана отдельной брошюрой с не менее программным названием «Die moderne Lyriker-Revolution» (Современная революция лириков) [13].

У антологии «Moderne Dichter-Charaktere» довольно сложная история появления на свет. Инициаторами антологии были литераторы братья Генрих Гарт (1855-1906) и Юлиус Гарт (1859-1930). До этого они издавали журнал «Kritische Waffengänge» (1882-1884), сыгравший свою роль в развитии литературного натурализма в Германии. На страницах журнала они развернули дискуссию о задачах современной лирики. Но, по всей видимости, финансовые проблемы не позволили им самостоятельно реализовать свои планы. На помощь пришёл их единомышленник – поэт Вильгельм Арент (1864-1913), выступивший в роли мецената и издателя антологии. При этом Арент не стал сам писать какое-либо предисловие к сборнику, а разместил два программных обращения к читателям: «Unser Credo» (Наше credo) Германа Конради (1862-1890) и «Die neue Lyrik» (Новая лирика) Карла Генкеля (1864-1929).

Конради в своём предисловии высказался против всего того, что он считал главным злом современной ему эпохи: против неестественности и бесхарактерности, несправедливости и трусости, лицемерия и мракобесия, дилетантизма в искусстве и жизни [12, S. IV]. Генкель в предисловии делает упор на то, что необходимо прямо вмешиваться в развитие современной немецкой лирики, чтобы создавать поэзию, которая представляла бы воплощенное в характерах отражение всех страданий, тоски, стремлений и борьбы, была бы пророческой песнью и ликующим утренним кличем победоносного, несущего освобождение будущего [Ibidem, S. VII].

Но не менее сложным выглядит и отношение к антологиям. В немецком литературоведении сложилось мнение, что её основная ценность заключается только в программных предисловиях Конради и Генкеля, которые по праву можно считать манифестами натурализма (сами стихи при этом, безусловно, остаются важным литературоведческим материалом).

Как отмечает П. Шпренгель, с одной стороны, неоспорима роль антологии в формировании самосознания (Selbstbewußtsein) молодого поколения литераторов натуралистического направления. Для того чтобы подчеркнуть значимость антологии, П. Шпренгель даже употребляет выражение *Fanal-Charakter* (характер маяка) [14, S. 619]. К. Бётхер также утверждает, что выход в свет антологии, наряду с журналами натуралистического направления и книгой «Revolution der Literatur» (Революция в литературе) Карла Блейбтрея (1859-1928), к тому же одного из поэтов, чьи стихи вошли в антологию [8], помог оформиться натурализму не просто в направление, а в движение [2, с. 293]. С другой стороны, в лирических текстах, вошедших в антологию, сложно увидеть черты натурализма и определить новые тенденции в модерне, как о том было заявлено в двух предисловиях, да и качество многих из них оставляет желать лучшего [14, S. 619].

В то же время нельзя не обратить внимания на высокую оценку, которую давал стихам из антологии Герхард Гауптман (1862-1946) – один из важнейших представителей немецкого натурализма, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 год. Его привлёк в них острый интерес к современности, стремление